

Ночь смерти

Автор:

[Нора Робертс](#)

Ночь смерти

Нора Робертс

Ева Даллас #8

Сбежавший из тюрьмы убийца-психопат Дэвид Палмер снова взялся за старое. И лейтенанту нью-йоркской полиции Еве Даллас нужно во что бы то ни стало остановить его. Она не имеет права на ошибку – любое неверное движение может стоить жизни доктору Мире, которая находится в руках преступника...

Нора Робертс

Ночь смерти

Год умирает ночью.

Теннисон

Благо народа – высший закон.

Цицерон

Убийцы не уважают традиции. Им чужды сантименты. И они не отдыхают по праздникам.

По долгу службы лейтенант Ева Даллас имела дело с убийствами, вот почему в это рождественское утро она ежилась от предрассветного холода, покрывая «Силином» замшевые перчатки, которые муж подарил ей всего лишь несколько часов тому назад, сопроводив подарок поцелуем.

С момента вызова не прошло и часа, а всего шесть часов назад Ева закрыла дело, потребовавшее от нее напряжения всех душевных и физических сил. Ее первое Рождество с Рорком начиналось совсем не весело.

Правда, для судьи Харолда Уэйнджера все обернулось гораздо хуже.

Его тело оставили на самой середине катка в Рокфеллеровском центре. Он лежал навзничь, так что остекленевшие глаза смотрели прямо на гигантскую рождественскую елку, этот нью-йоркский символ доброты и любви.

Одежды на теле не было, и кожа приобрела синеватый оттенок. Густая грива серебристых волос, предмет особой гордости судьи, сострижена неровно и грубо. Лицо сплошь покрывали синяки и кровоподтеки, но Ева без труда узнала его.

За десять лет службы в полиции она много раз присутствовала на судебных заседаниях, где председательствовал судья Уэйнджер.

Ева считала его человеком достойным, прекрасно разбиравшимся в хитросплетениях закона и уважавшим его дух.

Она склонилась над телом судьи, вглядываясь в выжженные на его груди слова:

НЕ СУДИТЕ, ДА НЕ СУДИМЫ БУДЕТЕ

Хотелось верить, что буквы были выжжены после смерти судьи, но вероятность этого была невелика.

Судью жестоко били. Пальцы на обеих руках сломаны, а глубокие ссадины на лодыжках и запястьях указывали на то, что жертву связывали. Но смерть наступила не от ожогов и побоев.

Веревка, на которой его повесили, все еще обвивала шею, глубоко врезаясь в кожу. Но эта смерть не была мгновенной. Шея, похоже, не сломана, а лопнувшие сосуды глаз и лица указывали на медленное удушение.

– Он хотел как можно дольше продлить мучения, – пробормотала Ева. – Хотел, чтобы судья оставался в сознании до самого конца.

Опустившись на колени, Ева стала рассматривать листок бумаги, трепыхавшийся на ветру. Записка прикрывала пах судьи наподобие фигового листа. В записке были имена, написанные от руки печатными буквами:

СУДЬЯ ХАРОЛД УЭЙНДЖЕР

ОБВИНИТЕЛЬ СТЕФАНИ РИНГ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗАЩИТНИК

КАРЛ НЕЙСАН

ДЖАСТИН ПОЛИНСКИ

ДОКТОР ШАРЛОТТА МИРА

ЛЕЙТЕНАНТ ЕВА ДАЛЛАС

– Оставляешь меня на закуску, Дэйв?

Она узнала почерк преступника: наслаждение страданиями жертвы, а затем медленная, мучительная смерть. Дэвид Палмер получал удовольствие от своей работы. От экспериментов, как он называл их три года назад, когда Ева наконец поймала его.

К тому моменту, как она упрятала Палмера за решетку, на его счету было восемь жертв, а дисков с записью преступлений набралась целая стопка. С тех пор он отбывал восемь пожизненных сроков – такой вердикт вынес судья Уэйнджер – в тюрьме строгого режима для психически неполноценных преступников.

– Значит, ты сбежал, Дэйв? Твой почерк. пытки, унижения, ожоги. Труп, оставленный в общественном месте. Вряд ли это подражатель. – Ева поднялась с колен. – Уберите тело.

Да, последние дни декабря 2058 года обещали быть совсем не веселыми.

Вернувшись в машину, Ева сразу же включила печку на полную мощность. Стянула перчатки и растерла ладонями лицо. Теперь нужно ехать в управление и составлять отчет, но в планы Евы не входило провести первый день Рождества на работе. Поэтому она решила заняться отчетом дома, в своем кабинете. Но прежде связалась по экстренной связи с диспетчером и распорядилась, чтобы всех людей из списка предупредили о возможной опасности. Несмотря на Рождество, Ева приказала обеспечить каждого личной охраной, причем полицейские должны быть в форме.

По дороге домой Ева запросила информацию у компьютера.

– Статус Дэвида Палмера, психически неполноценного заключенного тюрьмы Рексал.

Обработка запроса... Дэвид Палмер, приговоренный к восьми пожизненным заключениям в исправительном заведении «Рексал», девятнадцатого декабря бежал во время перевозки в тюремный лазарет. Розыск продолжается.

– Похоже, Дэвид решил справить праздник дома. – Ева подняла взгляд и нахмурилась, заметив проплывавший в светлеющем небе дирижабль, транслировавший на город рождественские песенки. «Провались они пропадом, эти трубящие ангелы», – подумала она и набрала номер своего шефа.

– Сэр, – сказала Ева, когда на экране появилось лицо майора Уитни. – Простите, что приходится беспокоить вас в Рождество...

– Мне уже сообщили о судье Уэйнджере. Он был хорошим человеком.

– Согласна с вами, сэр. – Ева обратила внимание на халат Уитни – пушистый, темно-бардовый, – вероятно, подарок жены. Рорк всегда дарил Еве подарки, ставившие ее в тупик. Интересно, как отреагировал на такой подарок Уитни. – Тело везут в морг. Я запечатала вещественные доказательства и теперь еду домой. Поработаю у себя.

– Лучше бы расследованием руководил кто-то другой, лейтенант. – Уитни заметил, как блеснули ее усталые глаза и из золотисто-карих стали почти черными. Но лицо с высокими скулами, трогательной ямочкой на резко очерченном подбородке и крупным не улыбочивым ртом оставалось бесстрастным.

– Хотите отстранить меня от дела?

– Вы только что закончили сложное и ответственное расследование. Ваша помощница подверглась нападению.

– Я не собираюсь вызывать Пибоди, – поспешно ответила Ева. – Ей и так досталось.

– А вам?

Ева открыла рот, собираясь ответить, но передумала.

– Мое имя в списке, шеф.

– Совершенно верно. Еще одна причина, чтобы отстранить вас от расследования.

В глубине души Еве хотелось – очень хотелось – забыть обо всем хотя бы до завтрашнего дня, вернуться домой и провести Рождество как все нормальные люди, чего ей еще никогда не удавалось. Но она подумала об Уэйнджере, мертвом и униженном даже в смерти.

– Я выследила Дэвида Палмера и расколола его. Я его задержала, и никто лучше меня не знает, что у него в голове.

– Палмер? – Широкий лоб Уитни прорезали морщины. – Он же в тюрьме.

– Уже нет. Сбежал девятнадцатого числа. И снова принялся за старое, шеф. Можно сказать, что я узнала его почерк. Все имена в списке, – продолжала Ева, – связаны с ним. Уэйнджер председательствовал на судебном процессе над Палмером. Стефани Ринг выступила со стороны обвинения. Вообще-то обвинителем по делу была Сесили Тауэрс, но она умерла. Карла Нейсана суд назначил защитником после того, как Палмер отказался нанимать собственного адвоката, а Джастина Полински избрали старшиной присяжных. Доктор Мира проводила экспертизу и свидетельствовала против Палмера в суде. А я арестовала его.

– Всех людей из этого списка нужно предупредить.

– Уже сделано, сэр, и им выделена личная охрана. Можно загрузить данные из досье в мой домашний компьютер, чтобы освежить память, но я и так все прекрасно помню. Такие, как Дэвид Палмер, не забываются. Любому, кому вы отдадите это дело, придется начинать с самого начала, а это потребует времени, которого у нас нет. Я знаю преступника, знаю, как он действует, как думает. И что ему нужно.

– Что ему нужно, лейтенант?

– То же, что и раньше. Признание его гениальности.

– Это ваше дело, Даллас, – после долгой паузы произнес Уитни. – Закройте его.

– Слушаюсь, сэр.

Ева отключила связь и въехала в ворота, остановив машину у дверей роскошного особняка, который Рорк сделал своим домом.

После вчерашнего ненастья обледеневшие ветки деревьев поблескивали, словно покрытые серебристым лаком. Декоративные кусты и вечнозеленые растения были покрыты сверкающей ледяной пленкой. За ними возвышался дом, больше похожий на крепость, с облицовкой из дорогого камня и сотнями квадратных метров стекла.

В нескольких окнах в сером утреннем свете сверкали огнями наряженные елки. Улыбнувшись, Ева подумала, что даже ее суровый Рорк поддастся рождественскому настроению.

Ни у Евы, ни у Рорка в жизни не было так много красиво наряженных елок, под которыми лежали бы подарки в праздничной упаковке. Их детство не было счастливым, и каждый компенсировал это по-своему. Рорк выбрал деньги, став одним из самых богатых и влиятельных людей в мире. И на пути к этой цели он не брезговал никакими средствами. Ева предпочла служить закону, став частью системы, которая не смогла защитить ее, когда она была ребенком.

Каждый из них сделал свой выбор: Рорк выбрал власть денег, Ева – власть закона.

И вот почти год они вместе – с того дня, как их случайно свело убийство, которое расследовала Ева. Она до сих пор удивлялась, как такое могло случиться.

Ева оставила машину перед домом, поднялась по ступенькам и, войдя, окунулась в роскошь, о которой обычные люди могут только мечтать. Старое полированное дерево, сверкающий хрусталь, бережно сохраненные старинные ковры, произведения искусства, которым позавидуют музеи.

Стянув куртку, Ева хотела бросить ее на столбик перил, как делала всегда, но затем, стиснув зубы, все же повесила на вешалку. В непримиримой войне с Соммерсетом, дворецким Рорка, наступило молчаливое перемирие. «На Рождество никаких боевых действий», – решила Ева. Если только Соммерсет не нарушит перемирие, то она уж как-нибудь продержится.

Она обрадовалась – хотя вряд ли это можно было назвать радостью, – что Соммерсет не вышел ей навстречу и не стал, по обыкновению, шипеть на нее. Ева направилась в большую гостиную.

Рорк был там – сидел у камина и читал первое издание Йейтса, рождественский подарок Евы. Что еще можно подарить такому человеку – ведь у него не только есть все, о чем можно мечтать, но он еще владеет многими предприятиями, где все это производится?

Рорк поднял глаза и улыбнулся. Сердце ее, как это всегда и бывало, тут же замерло. Один взгляд, одна улыбка – и она буквально таяла. «Рорк выглядит таким... совершенным», – подумала Ева. Он был одет просто, во все черное; сильное поджарое тело непринужденно располагалось в кресле, сделанном, возможно, лет двести назад.

У Рорка было лицо озорного бога с синими ирландскими глазами и ртом, созданным для того, чтобы сводить женщин с ума. От него исходила сила, такая же мощная и сексуальная, как густая грива его прекрасных темных волос, спускавшаяся почти до плеч.

Рорк закрыл книгу, отложил в сторону и протянул руку Еве.

– Прости, мне пришлось уехать. – Она подошла к нему, и их пальцы переплелись. – А еще хуже, что мне придется пойти в свой кабинет и поработать по крайней мере несколько часов.

– Но минутка у тебя есть?

– Да, наверное. Не больше. – Ева позволила Рорку усадить себя на колени. А себе позволила просто прижаться к нему, наслаждаясь его запахом, его прикосновениями. – Боюсь, у тебя были другие планы на сегодняшний день.

– Это мне за то, что я женился на копе. – В его голосе слышались певучие ирландские нотки. – За то, что люблю копа, – добавил он, приподнял ее голову и поцеловал.

– В данный момент крайне невыгодная сделка.

– Только не для меня. – Рорк запустил пальцы в ее коротко стриженные каштановые волосы. – Именно ты мне нужна, Ева. Женщина, которая мчится из дома на место убийства. Женщина, которая знает, что значит для меня первое издание Йейтса.

– С мертвецами я справляюсь лучше, чем с выбором подарков. Иначе я придумала бы еще что-нибудь.

Ева посмотрела на горку подарков под елкой – чтобы развернуть и открыть их, потребовался целый час. Grimasa на ее лице рассмешила Рорка.

– Знаешь, лейтенант, одно из самых больших удовольствий, когда даришь тебе подарки, – это видеть смущение и растерянность, которые они у тебя вызывают.

– Надеюсь, на какое-то время ты успокоишься.

– М-м... – неопределенно промычал Рорк. «Конечно, Ева не привыкла к подаркам», – подумал он. В детстве Ева не видела ничего, кроме страданий. – Ты уже решила, как распорядиться последним?

Последняя из подаренных ей коробок оказалась пустой, и Рорк с удовольствием наблюдал, как Ева удивленно хмурится. Не меньшее удовольствие ему доставила улыбка жены, когда он объяснил: подарок – это день. Целый день, который она может заполнить всем, чем пожелает. Рорк отвезет ее туда, куда ей захочется, и они будут делать то, что она хочет. В космосе или на земле. В реальности или в голографической комнате. Любое время, любое место, любой мир – все это будет принадлежать ей, стоит лишь попросить.

– Нет, у меня не было времени подумать как следует. Потрясающий подарок. Не хотелось бы его испортить.

Ева прильнула к мужу и позволила себе понежиться еще несколько секунд, наслаждаясь потрескиванием дров в камине и мерцанием огоньков на елке. Потом решительно отстранилась.

– Пора приниматься за дело. Предстоит куча работы, а выдергивать Пибоди я сегодня не хочу.

– Хочешь, я тебе помогу? – Он снова улыбнулся, увидев в ее глазах отказ. Автоматическая реакция. – Побуду денек в шкуре Пибоди.

– Это дело не имеет к тебе никакого отношения. И я хочу, чтобы так было и впредь.

– Тем лучше. – Рорк заставил ее встать и поднялся сам. – Во всяком случае, я могу помочь тебе собрать информацию, и тогда тебе не придется проводить все Рождество за письменным столом.

Ева хотела возразить, но передумала. В любом случае большая часть необходимой информации находится в открытом доступе. А об остальном она все равно рассказала бы Рорку, размышляя вслух.

Кроме того, о лучшем помощнике можно только мечтать.

– Ладно, считай себя чернорабочим. Но когда Пибоди придет в себя, ты уволен.

– Дорогая! – Он взял руку Евы и поцеловал, наблюдая за тем, как хмурится лицо жены. – Ты так мило просишь.

– И никаких телячьих нежностей, – прибавила Ева. – Я при исполнении.

2

Огромный кот по кличке Галахад разлегся по спинке кресла Евы, словно пьяный по стойке бара перед закрытием заведения. Ночью он охотился за коробками, сражался с разноцветными лентами и убивал разбросанную по полу оберточную бумагу, и Ева не стала его прогонять – пусть выспится.

Поставив на пол сумку, Ева направилась к «автоповару», чтобы подзарядиться кофе.

– Парень, за которым мы охотимся, – Дэвид Палмер.

– Ты уже вычислила убийцу?!

– Да, я знаю, кто мне нужен. Мы с Дэйвом давние друзья.

Рорк взял кружку из ее рук.

– Что-то знакомое.

– Ты должен был слышать это имя. О нем много говорили и писали три – три с половиной года назад. Мне понадобятся все файлы из следственного архива и все судебные материалы. Можешь начать с... – Она умолкла, почувствовав, как рука Рорка легла на ее локоть.

– Дэвид Палмер – серийный убийца. Пытал, потом убивал. – Рорк все вспомнил, до мельчайших подробностей. – Довольно молодой. Кажется... чуть за двадцать.

– Двадцать два на момент ареста. Он способный парень, наш Дэйв. Считает себя ученым, провидцем. Его миссия – исследовать и регистрировать способность человека выдерживать экстремальные нагрузки – боль, страх, голод, обезвоживание, бессоницу. Умеет красиво говорить. – Ева сделала глоток кофе. – На допросе его смазливое лицо пылало вдохновением, когда он объяснял, что, зная предельные физические возможности человека, можно повысить этот предел. Полагал, что мне, как полицейскому, его работа особенно интересна. Копы подвергаются серьезным нагрузкам и нередко оказываются в ситуации, когда решается вопрос жизни и смерти, а мозг блокирован страхом или агрессивными внешними воздействиями. Он считал, что результаты его работы могут быть полезны полиции, силам безопасности, армии и даже бизнесу.

– Я не знал, что им занималась ты.

– Да, Дэйв мой клиент. – Ева пожала плечами. – В то время я была на более скромных ролях.

Рорк мог бы улыбнуться в ответ, понимая, что продвижением по службе Ева отчасти обязана их знакомству. Но он слишком хорошо помнил подробности дела Палмера, и улыбка ему не удалась.

– Насколько я помню, его надежно изолировали.

– Недостаточно надежно. Он сбежал. Сегодня утром он оставил свою жертву в общественном месте – еще один фирменный знак Дэйва. Он хочет, чтобы мы знали, что он настроен серьезно. Перед смертью жертву пытали – вскрытие это подтвердит. Дэйв, похоже, нашел для своих «опытов» новую берлогу и держал

там судью какое-то время, прежде чем убить. Смерть от удушения наступила около полуночи. С Рождеством, судья Уэйнджер, – пробормотала Ева.

– Тот самый судья, что вел его дело?

– Да. – Ева рассеянно отставила кружку и достала из сумки копию записки. Саму записку она запечатала и отправила в лабораторию. – Он оставил визитную карточку. Еще одна отличительная особенность. Все эти люди имеют отношение к суду над ним и к приговору. Мне кажется, на этот раз он хочет, чтобы намеченные им жертвы трепетали от страха, зная, что скоро настанет их черед. Но эти люди предупреждены, и им выделена охрана. Добраться до них ему будет непросто.

– А ты? – Голос Рорка, увидевшего имя жены в конце списка, звучал нарочито спокойно. – Как насчет твоей охраны?

– Я полицейский, и это я должна охранять.

– Ему нужна именно ты, Ева.

Она повернулась. Как Рорк ни пытался контролировать свой голос, Ева уловила в нем еле сдерживаемый гнев.

– Возможно, но не больше, чем он мне.

– Ты его остановила, – продолжал Рорк. – Все остальное – экспертиза, суд, приговор – стало результатом твоей работы. Ты самая главная.

– Давай оставим выводы специалисту-психологу, – ответила Ева, хотя была согласна с ним. – Я собираюсь связаться с Мирой, как только сама просмотрю материалы дела. Ты можешь подобрать их для меня, пока я буду составлять предварительный отчет? Коды к своему офисному компьютеру и к файлам Палмера я тебе дам.

– Одна просьба. – Рорк приподнял бровь и усмехнулся. – Я не могу работать, когда меня обижают.

– Прости. – Она снова взяла кружку с кофе. – Сама не знаю, почему я решила, что тебе нужны какие-то коды.

– Я тоже не знаю.

Рорк сел за свой компьютер и начал собирать необходимую информацию, дело двигалось быстро. Для него эта задача была крайне простой, и голова оставалась свободной для размышлений. И принятия решения.

Ева сказала, что это дело не имеет к нему отношения и он должен устраниваться, как только Пибоди вернется к работе. Как бы не так! Имя Евы в списке Палмера означает, что это дело касается его больше, чем какое-либо из прежних дел. И никакая сила в мире – даже любимая женщина – не заставит его отступить.

Рядом с ним Ева работала за дополнительным терминалом, подготавливая все данные для отчета. Ей были нужны результаты вскрытия, протокол осмотра места преступления и данные «чистильщиков». Но с учетом немногочисленности сотрудников, дежуривших в праздники, ожидать эту информацию можно было разве что в конце следующего дня.

Стараясь сдерживать свое раздражение по этому поводу, она ответила на сигнал поступившего вызова:

– Даллас.

– Лейтенант, это офицер Миллер.

– Что у вас, Миллер?

– Шеф, нам с напарником поручили связаться со Стефани Ринг и охранять ее. Мы прибыли к ее дому в семь тридцать пять. Мы позвонили в квартиру, но нам не открыли.

– Это чрезвычайная ситуация, Миллер. Вам разрешено входить в помещения.

– Да, шеф. Понятно. Мы так и сделали. Объекта дома не было. Мой напарник опросил соседей по лестничной площадке. Они сказали, что объект уехал в

субботу рано утром, чтобы провести праздники с родителями в Филадельфии. Но до Филадельфии она не доехала, лейтенант. Сегодня утром отец Ринг заявил в полицию о ее исчезновении.

Сердце у Евы упало. Слишком поздно. Уже слишком поздно.

– Каким видом транспорта она воспользовалась, Миллер?

– Поехала на своей машине. Мы на пути к ее гаражу.

– Держите меня в курсе. – Ева отключила связь, подняла голову и встретилась взглядом с Рорком. – Он до нее добрался. Очень хочется думать, что Ринг попала в дорожную аварию или наняла кого-нибудь из эскортного агентства для рождественского приключения, прежде чем поехать к родителям. Но я знаю – она у Палмера. Мне нужны номера телефонов остальных людей из списка.

– Минуту.

Один номер Ева знала наизусть. С бьющимся сердцем она набрала домашний номер доктора Миры. На звонок ответил ребенок.

– С Рождеством! – улыбаясь и хихикая, сказал маленький мальчик. – Это дом бабушки.

Ева удивленно заморгала, решив, что ошиблась номером, но затем послышался знакомый мягкий голос, и на экране появилось лицо Миры. Губы улыбаются, но глаза тревожные.

– Ева, доброе утро. Подождете минутку? Я поднимусь наверх. Нет, милый. – Доктор Мира повернулась к мальчику, который тянул ее за рукав. – Беги, поиграй с новыми игрушками. Я скоро вернусь. Минутку, Ева.

Экран засветился холодным голубым светом, и Ева с облегчением вздохнула. Хорошо, что Мира дома, живая и здоровая, – хотя немного странно наблюдать за невозмутимым психиатром в роли бабушки.

– Прошу прощения. – Лицо Миры вновь появилось на экране. – Не хотела обсуждать случившееся в присутствии семьи.

– Понимаю. Охрана прибыла?

– Да. – Явно нервничая, что случилось крайне редко, Мира провела рукой по волосам. – Им не позавидуешь – сидеть в машине на Рождество. Я пока еще не придумала, как незаметно для домашних провести их в дом. Здесь мои дети, Ева, и внуки тоже. Я должна знать: есть ли хоть малейший шанс, что им грозит опасность?

– Нет, – Ева не колебалась ни секунды, и голос ее звучал твердо. – Это не его стиль. Доктор Мира, вы не должны покидать дом без охраны. Без этих двоих никуда не ходите, ни на работу, ни в кондитерскую за углом. Завтра вам выдадут специальный браслет, и мы будем знать, где вы находитесь.

– Я приму все необходимые меры предосторожности, Ева.

– Вот и хорошо, потому что одна из таких мер – отменить все встречи с пациентами, пока Палмер не окажется за решеткой.

– Это абсурд!

– Вы не должны оставаться наедине ни с кем – ни минуты. И если пациенты не согласны, чтобы вы копались в их головах в присутствии двух копов, то придется вам взять отпуск.

– А вы тоже возьмете отпуск? – Мира пристально смотрела на Еву.

– Я буду делать свою работу. И часть этой работы – вы. Стефани Ринг пропала. – Ева на секунду умолкла, давая собеседнице время осознать услышанное. – Делайте, что вам говорят, доктор Мира, или уже через час вас возьмут под стражу для обеспечения защиты. Завтра в девять мне понадобится консультация. Я сама к вам приеду.

Она отключила связь, повернулась к Рорку, чтобы узнать номера телефонов, и наткнулась на его внимательный взгляд.

– В чем дело?

– Она тебе очень дорога. В противном случае ты обставила бы все гораздо деликатнее.

– Даже в лучшие времена я не отличалась деликатностью. Давай номера. – Рорк выжидал, и Ева со вздохом прибавила: – Ладно, ладно, будь по-твоему. Она мне очень дорога, и я сделаю все, чтобы Палмер не приблизился к ней даже на милю. А теперь давай мне эти проклятые номера.

– Уже на вашем терминале, лейтенант. Загружены в память. Для связи остается только набрать имя.

– Хвастун, – пробурчала Ева, зная, что ее слова вызовут у него улыбку, и отвернулась, чтобы связаться с людьми из списка Палмера.

Убедившись, что все потенциальные жертвы находятся там, где и должны, и что их охраняют, Ева занялась материалами из судебного архива, которые подобрал для нее Рорк.

Целый час она просматривала протоколы и отчеты, а еще час потратила на записи своих допросов Палмера.

– Ладно, Дэйв, расскажите мне о Мишель Хаммел. Что в ней особенного?

Дэвид Палмер, крепкий молодой человек двадцати двух лет с обаятельной внешностью выходца из состоятельной семьи уроженцев Новой Англии, улыбнулся и с энтузиазмом подался вперед. Его голубые глаза вдохновенно сияли. Лицо – кровь с молоком – светилось здоровьем и энергией.

«Наконец кто-то его выслушает, – подумала тогда Ева. – Наконец у него появился шанс поведать миру о своей гениальности».

Теперь она вспоминала, как выглядела три года назад. Ужасная стрижка – в те времена она сама подстригала свои волосы. Ботинки на ногах новые и почти без царапин. На пальце нет обручального кольца.

В остальном все примерно то же.

– Молодая и в хорошей физической форме, – ответил Палмер. – Очень дисциплинирована – и ум, и тело. Бегунья на длинные дистанции, олимпийская надежда. Она знала, как блокировать боль и как сосредотачиваться на цели. Понимаете, Мишель была в верхней части шкалы. А Лерой Грин в нижней. Он много лет затуманивал свой мозг наркотиками. Никакой сопротивляемости разрушительным воздействиям. Потерял контроль еще до того, как почувствовал боль. Его разум сломался сразу же, лишь только он пришел в себя и обнаружил, что привязан к столу. Но Мишель...

– Мишель боролась? Держалась до конца?

Палмер энергично кивнул.

– Она и вправду была великолепна. Боролась, пыталась сбросить путы, а потом перестала, когда поняла, что не сможет освободиться. И еще страх. Мониторы зарегистрировали повышение частоты сердечных сокращений, давления – всех основных показателей физического и эмоционального состояния. У меня превосходное оборудование.

– Да, я видела. Самое лучшее.

– Это очень серьезная работа. – Его глаза затуманились, взгляд стал рассеянным, как всегда бывало, когда Палмер рассуждал о своих экспериментах. – Если вы посмотрите на данные Мишель, то увидите, что она сосредоточилась на своем страхе, использовала его для того, чтобы выжить. Сначала сдерживала страх, пыталась уговорить меня. Давала обещания, делала вид, что понимает цель моих исследований и даже пытается помочь мне. Умная была. Потом поняла, что это ей не поможет, и осыпала меня проклятиями, тем самым повышая уровень адреналина, когда я вводил новые болевые стимулы.

– Палмер сломал ей ноги, – сказала Ева, зная, что за ее спиной Рорк тоже смотрит запись. – Потом руки. Он тогда не врал насчет оборудования. Электроды были прикреплены на разных участках тела или помещены внутрь, и через них подавались электрические разряды, каждый раз все более сильные. Дэйв пытал Мишель три дня, пока она не сломалась. В конце она умоляла Палмера убить ее. Он использовал веревку и систему блоков, чтобы повесить девушку, – медленное

удушение. Ей было девятнадцать.

Рорк положил руки Еве на плечи.

– Один раз ты уже остановила его. И теперь остановишь.

– Остановлю, чего бы мне это ни стоило.

Услышав шаги в коридоре, Ева вскинула голову.

– Сохрани данные и архив, – сказала она Рорку, и в этот момент в кабинет вошла Надин Ферст. «Только ее тут не хватало», – подумала Ева. Надин была лучшим криминальным репортером «Канала-75», тот факт, что она дружила с Евой, ничего не менял.

– Наносишь рождественские визиты, Надин?

– Сегодня утром я получила подарок. – Надин бросила на стол диск.

Ева посмотрела на диск, затем снова перевела взгляд на лицо подруги. Оно было бледным и осунувшимся. Ни губной помады, ни румян, волосы растрепаны. Надин выглядела не просто плохо, она была напугана.

– Что случилось?

– Дэвид Палмер.

– Есть новости о нем? – Ева медленно встала.

– По всей видимости, он знает, чем я зарабатываю на жизнь и о том, что мы подруги. Прислал мне вот это. – Надин бросила взгляд на диск, с трудом сдерживая дрожь. – Рассчитывает, что я сделаю документальный фильм о нем и его «работе», а также поделюсь информацией с тобой. Слушай, а выпить у вас найдется? Что-нибудь покрепче.

Рорк встал из-за стола и усадил Надин в кресло.

- Садись. Ты замерзла, – проговорил он и сжал ее ладони.

- Да. Меня колотит с тех пор, как я посмотрела диск.

- Принесу тебе бренди.

Надин кивнула, опустила на колени сжатые кулаки и посмотрела на Еву.

- На записи, кроме Палмера, еще два человека. Один из них судья Уэйнджер. Вернее, то, что осталось от судьи Уэйнджера. И еще женщина, но я ее не узнала. Она... он уже принялся за нее.

- Вот. – Рорк принес бокал с бренди и протянул его Надин. – Выпей.

- Хорошо. – Она сделала большой глоток и почувствовала, как по желудку разливается жар. – Я видела много зла, Даллас. Делала о нем репортажи, изучала его. Но с таким я еще не встречалась. Не представляю, как ты выдерживаешь, сталкиваясь с этим постоянно, день за днем.

- Каждый день что-нибудь новое. – Ева взяла диск. – Тебе необязательно смотреть это еще раз.

- Нет. – Надин снова глотнула бренди и с шумом выдохнула. – Я посмотрю.

Ева повертела диск в руке. Стандартная модель. Проследить происхождение не удастся. Ева вставила диск в компьютер.

- Скопировать, запустить и воспроизвести на экране.

На настенном экране появилось красивое лицо Дэвида Палмера.

- Мисс Ферст, или вы позволите называть вас Надин? Так гораздо доверительнее, а работа для меня – дело личное. Кстати, я всегда восхищался вашей работой. Это одна из причин, почему я доверил вам рассказать мою историю в эфире. Вы ведь верите в то, что делаете, правда, Надин?

Теперь его глаза были серьезными – профессионал обращался к профессионалу, – но лицо по-прежнему оставалось открытым и безмятежным, словно у послушника перед алтарем.

– Те из нас, кто стремится к совершенству, верят в то, что делают, – продолжал Палмер. – Я знаю, вы дружите с лейтенантом Даллас. У нас с лейтенантом тоже сложились свои отношения. Возможно, не такие близкие, но мы понимаем друг друга, и я восхищаюсь ее стойкостью. Надеюсь, вы как можно скорее познакомите ее с содержанием этого диска. К тому времени она уже будет руководить расследованием смерти судьи Уэйнджера.

Его улыбка стала ослепительной и, возможно, чуть-чуть безумной.

– Привет, лейтенант. Вы меня извините, но мне нужно закончить с Надин. Я хочу, чтобы Даллас принимала в моих делах самое непосредственное участие. Для меня это очень важно. Вы расскажете обо мне, правда, Надин? Пусть меня рассудят люди, а не ограниченный болван в черной мантии.

И тут же, без всякой паузы, лицо Палмера на экране сменилось другой сценой. Звук был таким громким, что женские крики, казалось, раздирают воздух в кабинете Евы.

Тело судьи Уэйнджера со связанными руками и ногами было подвешено в нескольких дюймах от бетонного пола. «На этот раз примитивная система блоков», – отметила Ева. Палмер изрядно потрудился, чтобы смонтировать свои хитрые приспособления, но это все же не та сложная камера пыток, которая была в его распоряжении прежде.

Но «работал» он, как и раньше, методично и продуманно.

Лицо Уэйнджера было искажено страданием, мышцы подрагивали, когда Палмер ручным лазером выжигал буквы на его груди. Судья мог лишь стонать; его голова моталась из стороны в сторону. Рядом пищали и звенели мониторы.

– Видите, он сдается. – Голос Палмера за кадром давал краткие пояснения. – Его мозг не реагирует на боль, потому что больше не может ее выносить. Мозг блокирует боль, погружая организм в бессознательное состояние. Но процесс можно повернуть вспять, и вы это сейчас увидите. – Палмер щелкнул

выключателем. Послышался высокий звук, и тело Уэйнджера дернулось. Теперь судья закричал.

В другом конце комнаты громко рыдала женщина. Клетка, в которой ее запер Палмер, висела на тросе и была настолько мала, что женщина могла лишь стоять на четвереньках. Темные волосы закрывали лицо, но Ева узнала женщину.

Теперь во власти Палмера была и Стефани Ринг.

Дэйв повернулся, щелкнул другим выключателем, и клетка заискрила и дрогнула. Женщина пронзительно вскрикнула, конвульсивно дернулась и лишилась чувств.

– Она отвлекается, – сказал Палмер, поворачиваясь к камере, – но у меня мало времени. Приходится начинать работу со следующим объектом, не закончив с предыдущим. Скоро ее очередь. Сердце объекта Уэйнджера отказывает. Данные по нему почти готовы.

При помощи веревок он опустил судью на пол. Ева отметила, как вздулись мускулы на руках Палмера.

– Дэйв качался, – пробормотала она. – Поддерживал форму. Знал, что в этот раз придется нелегко. Палмер всегда тщательно готовился.

Палмер накинул петлю с аккуратным узлом на шею Уэйнджера и пропустил конец веревки сквозь металлическое кольцо на потолке. Затем он продел веревку через другое кольцо, смонтированное в пол, и стал тянуть. Уэйнджер из последних сил приподнялся на колени, задыхаясь.

– Выключи! – Надин вскочила. – Я не смогу еще раз на это смотреть. Думала, выдержу. Нет, не смогу.

– Остановить воспроизведение. – Ева подождала, когда изображение исчезнет с экрана, подошла к подруге и присела перед ней на корточки. – Прости.

– Нет. Я сама виновата. Думала, выдержу.

- Все в порядке. Никто такое не выдержал бы.

Надин покачала головой, одним глотком допила бренди и отставила бокал.

- Ты выдержишь. Ты не позволишь себя достать.

- Меня уже достало. Запись предназначалась мне. Я вызову двух полицейских, и они отвезут тебя домой. Будут охранять тебя, пока Палмера не поймают.

- Думаешь, он придет за мной?

- Нет, но зачем рисковать? Езжай домой, Надин. Постарайся не думать об этом.

Ева попросила Рорка проводить Надин вниз, а сама досмотрела запись на диске. В самом конце ее взгляд встретился со взглядом Палмера, смотревшего прямо в камеру.

- Объект Уэйнджер умер в полночь двадцать четвертого декабря. Вы продержитесь дольше, Даллас. Мы оба это знаем. Вы будете самым лучшим из моих объектов. Я приготовил для вас замечательные штуки. Вы меня найдете. Я уверен. Рассчитываю на вас. Счастливых праздников.

3

Машина Стефани Ринг стояла в гараже на своем обычном месте. Вещи аккуратно сложены в багажнике. Ева обошла вокруг машины, пытаясь найти признаки борьбы или другие улики, оброненные и не замеченные во время похищения.

- Обычно он использует один из двух методов. - Ева обращалась скорее к себе, чем к двум полицейским, следовавшим за ней. - Проникает в дом жертвы под каким-нибудь самым невинным предлогом - под видом службы доставки, ремонта или сервиса - или нападает в безлюдном месте. Палмер тратит много времени на изучение привычек будущих жертв, их маршрутов и распорядка дня. Все сведения он аккуратно заносит в журнал. Упорядоченная, системная информация, сопровождающаяся подробными медицинскими и

психологическими характеристиками каждого объекта.

«Палмер не считает их лабораторными крысами, – размышляла Ева. – Он предпочитает персонализированный, индивидуальный подход. И гордится этим».

– В обоих случаях, – продолжала Ева, – он оглушает жертву, погружает в свою машину и увозит. Здесь есть камеры слежения?

– Да, шеф. – Один из полицейских передал ей запечатанный пакет с дисками. – Мы конфисковали записи за три последних дня, предположив, что объект мог следить за жертвой до похищения.

– Вы Миллер? – вскинула бровь Ева.

– Да.

– Хорошая работа. Здесь вам больше нечего делать. Можете отправляться домой, к рождественскому гусю.

Нельзя сказать, что полицейские буквально бросились бежать, но и задерживаться они не стали. Ева убрала пакет в сумку и повернулась к Рорку:

– Почему бы тебе не последовать их примеру, дружок? Я вернусь через пару часов.

– Мы вернемся через пару часов.

– Мне не нужен помощник для осмотра квартиры Ринг.

Рорк молча взял ее под руку и повел к машине.

– Ты отпустила двух полицейских, – произнес он, включая двигатель. – Все остальные люди из списка Палмера под охраной. А ты?

– Мы уже это обсуждали.

– Отчасти. – Рорк сдал назад и выехал из гаража. – Но я-то тебя знаю, лейтенант. Надеешься, что он нарушит последовательность и выберет тебя следующей. И не хочешь, чтобы здоровенные полицейские в мундирах его спугнули.

Какое-то время Ева молча постукивала пальцами по колену. Меньше чем за год этот человек досконально изучил ее. Не очень-то приятно сознавать это.

– И что ты хочешь сказать?

Он едва сдержал улыбку, уловив нотки раздражения в ее голосе.

– Я восхищаюсь смелостью моей жены и ее преданностью делу.

– «Моей жены» – это для того, чтобы подразнить меня, да?

– Разумеется. – Удовлетворенный, Рорк взял ее руку и поцеловал. – Я с тобой, Ева. Смирись.

* * *

Осмотр дома Стефани Ринг был стандартной процедурой и не выявил ничего интересного: чистая и аккуратная квартира одинокой деловой женщины, которая любит красивые вещи и тратит свое весьма приличное жалованье на их приобретение.

Ева подумала об обнаженной женщине в клетке, стоящей на четвереньках, словно животное, и кричащей от ужаса.

Вернувшись домой, она еще раз просмотрела запись на диске, который Палмер прислал Надин. Теперь она заставила себя отвлечься от страшных картин и сосредоточиться на анализе обстановки.

– Окон в помещении нет, – вслух комментировала она. – Пол, похоже, бетонный, стены из старого кирпича. Размеры помещения приблизительно двадцать на тридцать футов. По всей видимости, подвал. – Ева дала команду компьютеру: – Остановить воспроизведение. Выделить сектор восемь – пятнадцать. Увеличить.

Отдав приказ, Ева подвинулась ближе к экрану.

– Так, это лестница. Ступени, фрагмент перил. А за ними... что же это такое? Старинный отопительный котел или водяной бак. Палмер нашел себе берлогу. Должно быть, частное владение, – продолжала размышлять вслух Ева, вглядываясь в изображение. – Он не может проделывать все это в многоквартирном доме – люди услышат. Даже при хорошей звукоизоляции остается риск, что кто-то проявит любопытство. Или техническое обслуживание, ремонтные работы. Что-нибудь в этом роде.

– Не многоквартирный дом и не офисное здание, – согласился Рорк. – А если учесть лестницу, не похоже на склад. Судя по отопительному котлу, здание большое, но далеко не новое. Последние пятнадцать или двадцать лет такие котлы не устанавливают. Палмеру нужно устроиться где-то в городе, так?

– Да, он хочет быть поближе ко всем своим жертвам. Палмер не поедет в пригород, и даже окраины маловероятны. Дэйв – городской житель, и в Нью-Йорке он как рыба в воде. Частный дом, других вариантов нет. Но как Палмеру удалось заполучить его?

– Друзья? – предположил Рорк. – Родственники?

– У Палмера не было близких друзей. Он одиночка. У него есть родители. После суда над ним они сменили место жительства. Воспользовались программой защиты свидетелей и жертв преступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/nora-roberts/noch-smerti>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)